

Рабочее движение заключает в себе потенциал движения общенационального

*На вопросы журнала отвечает доктор исторических наук, заместитель руководителя Центра сравнительных политических и экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН ЛЕОНИД ГОРДОН **

«ОНС» Новейшая история российского рабочего движения насчитывает уже более пяти лет. За этот ничтожный в историческом плане срок оно прошло поистине гигантский путь в своем развитии. Не раз судьба демократии в стране находилась именно в его руках. Однако устойчивого, осознанного интереса общества к этому явлению, по-моему, так и не выработалось. Всплески внимания к нему наблюдаются во времена крупных акций тех или иных профсоюзов или иных рабочих объединений. Причем нередко внимание это сосредоточивается не столько на рассмотрении сути выдвигаемых рабочими проблем, сколько на анализе вреда или пользы выступлений для тех или иных политических группировок, расклада общей политической ситуации и т. п.

Л. Г. К сожалению, такой взгляд на рабочее движение действительно распространен и у активного массового политического обывателя, и в кругах, которые определяют политику по отношению к рабочему движению. В этом проявляется одна из наших слабостей — недооценка политической элитой и вообще интеллигенцией рабочего движения. В действительности от того, в каком направлении пойдет развитие рабочего движения, в решающей мере зависит будущее страны. Огромные роль и значение его связаны, как мне кажется, с тремя обстоятельствами. Первое (в данном случае менее важное) обусловлено содержанием самого процесса переходного периода — переходом от командно-распределительной экономики к рыночной. Это предполагает создание полноценного рынка труда, а значит, приемлемых условий для купли-продажи рабочей силы. Такие условия, как показывает вся мировая история, могут быть созданы только при активном участии профсоюзов. От них зависит, приобретет этот рынок относительно гуманный характер или воспроизведет черты XIX века со всеми ужасами, описанными Диккенсом или Бальзаком.

Второе и главное обстоятельство, в силу которого я вновь и вновь призываю со всем вниманием отнестись к движению рабочих масс, связано со спецификой России и большинства других постсоциалистических стран: здесь рядовые наемные работники составляют сегодня подавляющее большинство народа. Традиционное представление о том, что народ нашей страны — это прежде всего крестьянин, «сеятель и хранитель», безнадежно устарело. Сегодня у нас крестьян почти не осталось, и даже если крестьянство возродится, то оно составит не более 10% населения. В массе же своей реальный российский народ — это люди наем.

* Интервью записано 10 декабря 1994 года.

ного труда, будь то рабочий, инженер, врач или учительница. И в обозримом будущем они таковыми и останутся, работая по найму либо государства, либо разного рода частных структур. С этой точки зрения внимание к процессам, которые происходят внутри массы наемных работников, имеет колоссальное значение. Без каких-то изменений в этой массе любые самые существенные подвижки в тонком слое людей, активно втянутых в политическую, социальную, деловую жизнь, ни к чему не приведут.

Есть и третье обстоятельство, делающее рабочее движение особо существенным фактором общественного развития. Рабочие (прежде всего, конечно, индустриальные) действуют в условиях, позволяющих им легко самоорганизовываться. Это имеет огромное значение, потому что, с одной стороны, позволяет созданным «снизу» организациям во весь голос заявлять о возникающих в рабочей среде проблемах, добиваться приемлемого их разрешения, а с другой — дает надежду на то, что народное недовольство не выльется в бунт «бессмысленный и беспощадный», как не раз бывало в отечественной истории.

«ОНС» В какой-то степени с потребностью учета интересов людей наемного труда, очевидно, связаны предпринимаемые разными группами попытки занять все еще незаполненную нишу социал-демократии?

Л. Г. Разумеется, очень важно, чтобы в стране существовали политические, социальные, культурные силы социал-демократического толка, т. е. силы, которые, с одной стороны, выступают за рынок и демократию против тоталитарного общества, а с другой — хотят, чтобы этот рынок до некоторой степени регулировался, а государство не просто выполняло роль «ночного сторожа», а осуществляло активные социально-экономические функции; не подавляло бы силу рынка, но и не устранялось бы от всех протекающих там процессов. Думаю, такого рода направление должно быть представлено в российском обществе. Не так важно, победит оно или нет. Важно, чтобы постоянно взаимной критике подвергали друг друга сторонники чисто либеральной позиции и люди, отстаивающие идеи социального государства.

«ОНС» В этом мы, кстати, не будем оригинальны: такой критический диалог стал характерной чертой жизни всех развитых стран.

Л. Г. В то же время я полагаю, что попытки сконструировать отечественную социал-демократию посредством верхушечных группировок лиц, связанных главным образом с Государственной Думой или околоправительственными коридорами, успеха не принесут. Вопреки расхожему мнению не исключено, что применительно к рабочему движению развитие пойдет у нас не по немецкому или дореволюционно-российскому, а по англо-американскому типу. Если и начнется политическое развитие народной толщи, то зародиться оно будет не от партий, а от профсоюзов. Оттуда можно ждать возникновения чего-то вроде социал-демократии (может быть, под другим названием). Вряд ли социалистически настроенная интеллигенция или «профессиональные революционеры» привнесут ее «сверху». Может, предпринимаемые «верхушечные» попытки и хороши, но успеха они, по-моему, не принесут. Сколь бы ни были важными и прогрессивными процессы, разворачивающиеся в авангарде нашего общества, они обречены без поддержки «снизу». Если импульсы, идущие от передовых слоев, не будут находить отклика в каких-то движениях и процессах в народной толще, ничего не произойдет. Вот почему столь важным мне представляется зарождение рабочего движения: судьба реформ, будущее всей страны, как мне кажется, очень во многом зависит от того, каким оно будет, какие силы возьмут в нем верх.

«ОНС» Какими вам видятся перспективы российского рабочего движения?

Л. Г. Тут оценки можно делать с разных позиций. Если рассматривать пятилетнюю историю рабочего движения в стране в долговременном плане, то нельзя не признать, что с этой точки зрения реальны самые оптимистические выводы. За пять лет из ничего сложилось рабочее движение, созданы новые профсоюзы, элементы настоящих профсоюзов появляются и в старых профсоюзных структурах. То, на что в других странах ушли усилия двух-трех поколений, стало у нас заметным явлением за несколько лет. Однако эти же процессы можно и нужно рассматривать также и в перспективе ближайших лет, а с таких позиций ситуация отнюдь не радужная. Общество переживает кризис, естественно, кризис переживает и рабочее движение.

«ОНС» В чем вы видите специфику его современного состояния?

Л. Г. Здесь надо учитывать три основополагающих обстоятельства. Первое связано с самим направлением общественного развития. Очевидно, что если наш путь не прервется какими-то чрезвычайными событиями, насильственным крутым поворотом, мы движемся к экономике капиталистического или посткапиталистического типа, т. е. экономике, существующей в мире наиболее развитых промышленных обществ. Естественно, что по мере движения в этом направлении все больше проявляются некие общие закономерности, в том числе в плане создания профсоюзов, приобретения ими опыта деятельности в рыночных условиях и т. п.

Не менее важно второе обстоятельство, связанное с тем, что мы движемся к новому обществу с совершенно других по сравнению со странами Запада позиций. Там происходила эволюция от средневековой и феодальной Европы к капитализму и затем к посткапитализму. Свою эволюцию проделало и рабочее движение — от полной неорганизованности ко все большей и большей организованности, ко все большему влиянию государства, введению элементов социального государства и т. д. Мы же начали свое движение от тоталитарного общества со всеобщим огосударствлением, в том числе огосударствлением профсоюзов. Генеральным направлением нашего сегодняшнего развития стало ослабление роли государства. Конечно, при этом нельзя не видеть, что в целом ряде важнейших для общества моментов произошло слишком резкое ослабление государственности, и сегодня на повестке дня стоит задача укрепления ряда его функций. Но генеральной линией по-прежнему остается идея разгосударствления, высвобождения «пространства» для гражданского общества.

Наконец, третье обстоятельство, которое нужно учитывать, — сама «точка» траектории движения, в которой общество находится в каждый момент своего развития. При этом если первые два обстоятельства можно рассматривать как действующие постоянно или долговременно, то последнее существенно меняется от года к году. В этом плане нынешний период отличается не только от конца 80-х — начала 90-х годов, но и от первого послеавгустовского периода 1991—1992 годов.

«ОНС» Очевидно, с этих позиций можно выделить несколько этапов развития и российского общества, и рабочего движения?

Л. Г. До 1991 года это было, в сущности, разбухшее общество, стремящееся сбросить путы прошлого режима; 1991—1992 годы — период «бури и натиска», начала реформ хозяйственных отношений, этап начала изменения отношений, на котором профсоюзы продолжают действовать так, будто они живут в прежних условиях. Примерно с конца 1993 года можно говорить о начале третьего этапа, связанного с появлением элементов новых отношений. Конечно, разрушение старого по-прежнему идет гораздо интенсивнее, чем созидание нового, но все же мы уже имеем дело не только с разрушением. Иными словами, первый период — период борьбы за разрушение старых порядков; второй — само разрушение глав-

ным образом экономических порядков; третий — появление элементов созидания нового общества.

«ОНС» Но эти элементы созидания, к сожалению, не заметны огромному большинству наших сограждан. Многие, например, склонны считать, что по-прежнему идет лишь разрушение, более того, что слишком много оказалось напрасно разрушено.

Л. Г. Конечно, было совершено множество ошибок, но я не думаю, что мы избрали «наихудший из всех возможных способов» выхода из коммунизма. Никаких оснований для такой оценки я не вижу. Во-первых, из госсocialизма на той стадии, какой он достиг у нас к середине 80-х годов, «хорошего», плавного, безболезненного выхода просто нет. Его сохранение грозит катастрофой, но и отказ от него сопряжен с неизбежным и тяжким кризисом. Во-вторых, не из чего не следует, что случившееся — самый плохой вариант. Вполне можно вообразить и гораздо худший сценарий развития событий.

Нельзя также не видеть гигантской важности позитивных сдвигов, которых, к сожалению, слишком часто не замечают. Мы без конца спорим, какое у нас сегодня государство — демократическое или полудемократическое, авторитарное или полуавторитарное, или какое-то иное. Однако факт, что основы свободы и прав человека утвердились (хотя и нельзя сказать, что стали необратимыми). Это проявляется и в рабочем движении. Например, можно организовать любой профсоюз. Пусть это безумно сложно, требует и денежных средств, и просто огромного мужества, даже героизма (ведь профсоюзных лидеров избивают, бывает, что и убивают, они подвергаются разного рода давлению), сказываются и слабости рабочей среды. Но все-таки созидание нового независимого профсоюза возможно: теперь совсем не та ситуация, которая была еще несколько лет назад. Это открывает огромные возможности, потому что свобода вообще есть величайшая самоценность.

«ОНС» Можно, очевидно, говорить и о важности новой ситуации с точки зрения формирования принципиально иных условий продажи рабочей силы?

Л. Г. Конечно. Если нет возможности свободной самоорганизации, нет профсоюзов, нельзя надеяться на становление полноценного рынка труда, на эффективную социальную организацию общества. А ведь именно этот момент (а отнюдь не только отставание в области эффективности производства), по сути, обусловил крушение государственного социализма. Отмечу и еще одно: вопреки укоренившемуся поверхностному взгляду наша прежняя система была не просто менее эффективной, но и менее социально справедливой. Она совершенно безумным образом распределяла имевшиеся у общества средства: производство, вооружение, космос и т. п. отбирали несравнимо большую часть ВВП по сравнению с западными обществами, а значит, на конечное потребление шла еще меньшая доля, чем было бы возможно при иной системе социальной организации общества. По сути, лишь возможность создания нормальных профсоюзов ставит единственный предел такому развитию. Потому что не только государство, но и независимый предприниматель был бы рад пустить максимум ресурсов на развитие производства. Реально практике безграничного ущемления интересов рядовых работников может поставить барьер только появление структур организованного труда. Сегодня есть признаки, свидетельствующие, что и в условиях кризиса доля конечного потребления в составе ВВП довольно заметно выросла. Конечно, это происходит прежде всего за счет уменьшения объемов накопления, но происходит! И кризис выполняет здесь роль разрушителя, готовящего почву для будущего развития, для формирования более здоровых пропорций воспроизводства, потребления и накопления в будущем.

В то же время ни в коем случае нельзя забывать, что переход к новым порядкам

связан с огромными тяготами. В стапятидесятиmillionном обществе разрушается привычный, устоявшийся порядок вещей, в связи с кризисом падает жизненный уровень населения (хотя и не в десятки раз, как любят восклицать тоскующие по «добрым старым временам»). Реальная картина достаточно тяжела: после 1991 года ВВП упал приблизительно в 1,5 раза, реальная заработная плата по сравнению с концом 80-х годов снизилась приблизительно вдвое. Можно говорить и об общем снижении благосостояния в 1,5 раза (тут надо учитывать и какое-то накопленное имущество, натуральные поступления, и то, что стала расти доля доходов населения, не связанная с заработной платой). Причем это снижение возникло на фоне эйфорических ожиданий значительного и быстрого улучшения ситуации. И саму по себе достаточно тяжелую картину усугубляет одно огромной важности социально-психологическое обстоятельство, по-моему, все еще недооцененное. Речь идет о непривычности новой ситуации.

«ОНС» Конечно, прежде жизнь была трудна, но к ней приспособились, теперь же исчез ряд старых проблем (например дефицит многих товаров), но появилась масса новых, а люди нередко не очень хорошо представляют себе, как их решать.

Л. Г. Инфляция для нас непривычна и воспринимается населением с ужасом, а дефицит (скрытая инфляция), который ничем не лучше открытого роста цен, за десятилетия стал привычен и потому не вызывает у людей такого сильного осуждения.

«ОНС» Можно добавить еще один аспект проблемы. Сейчас в наиболее сложном положении оказались достаточно широкие группы трудящихся, в наибольшей степени приспособившиеся к преодолению прежних трудностей. Ведь, например, вся система военных предприятий, охватывавшая миллионы работников, отличалась не только более высоким уровнем заработной платы, но и лучшей приспособленностью к миру дефицита. Работники системы ВПК имели гораздо более высокий, чем в среднем по стране, уровень обеспечения и продуктами питания, и товарами длительного пользования (от одежды до автомобилей), свою закрытую систему организации отдыха, здравоохранения, воспитания детей и т. п. А теперь именно военные заводы попали в самое тяжелое положение, и их работники из привилегированной когорты превратились в изгоев.

Л. Г. Это как раз один из примеров того, как непривычность искажает картину социальной справедливости. Что может быть более несправедливо, чем получение работниками военных заводов повышенной оплаты и многих дополнительных благ за такой же труд, как и на иных, невоенных предприятиях. Ведь именно здесь, а не в номенклатурных привилегиях заключалась главная несправедливость, главная социальная неэффективность раздела общественного пирога. Но эта ситуация была привычна и не воспринималась как несправедливая. Точно так же нормальной воспринималась практика низкой оплаты, например, труда работниц сберкасс. Теперь ситуация кардинальным образом поменялась, и зарплата в сбербанках, как и в иных структурах финансового сектора, резко возросла, далеко обогнала другие отрасли. По сути, несправедливо и то, и другое, но именно нынешняя ситуация ощущается очень многими как острейшая несправедливость.

«ОНС» Однако когда мы говорим об общем снижении уровня жизни в 1,5 раза, мы имеем среднюю цифру, за которой стоит глубокая социальная дифференциация.

Л. Г. Здесь, как мне кажется, мы сталкиваемся, с одной стороны, с увеличением этой проблемы, а с другой — с тем же фактором непривычности. Ведь значительная дифференциация существовала в нашем обществе всегда, просто раньше она была более скрытой, не столь откровенной. Главное, что непривычными

для нас стали новые формы проявления имущественной дифференциации, появился социальный раздражитель чужого показного богатства. Впрочем, нельзя отрицать, что иной раз (хотя далеко не всегда) обогащение немногих возникает именно вследствие снижения жизненного уровня многих. В таких случаях речь идет не просто о разделе богатства, которое раньше не принадлежало ни тем, ни другим. Например, если администрация проводит приватизацию в свою пользу, то рабочие при этом ничего не теряют: фактически они и раньше не были хозяевами предприятия, а администрация распоряжалась им и не будучи собственником. В данном случае нет реальных потерь, но есть обида на несправедливость, а это тоже реальный, социальный фактор, с которым нельзя не считаться.

Но совсем другое дело, когда у трудящихся забирают то, чем они реально пользовались. Например, не выплачивают зарплату, задерживают ее выплату, потому что деньги «прокручиваются» в финансовых учреждениях, или продают некачественные товары. Подобные ситуации не просто ведут к снижению жизненного уровня, но и создают у массы людей ощущение несправедливости происходящего. А в такой ситуации, боюсь, все больше людей начинают думать не только о том, что реформы идут слишком медленно и болезненно, но и о том, что раз так получилось, лучше было бы повернуть назад.

«ОНС» В том, что сложилась такая ситуация, «повинно» и рабочее движение?

Л. Г. Отчасти это так. По крайней мере, недостаточная мощь демократического рабочего движения, а также невнимание к нему со стороны демократических политиков и реформаторских элементов власти явились немаловажной причиной того, что в наших реформах столь большое развитие получила номенклатурно-плутократическая струя. В итоге трудности, связанные с реформами, оказались более тяжелыми, чем в некоторых других странах, выходящих из государственного социализма, а плоды их в чрезмерно большой своей части достались узкой прослойке ловких чиновников, хозяйственников, спекулятивных авантюристов и удачливых скоробогачей. В то же время слабость реакционного рабочего движения, которое могло бы сформировать массовую базу антиреформаторских сил, способствует тому, что реформы у нас все же идут, постепенно преобразуя устои нашего социального строя.

«ОНС» Но почему вы считаете, что особое внимание надо уделять рабочему движению, профсоюзным организациям? Ведь можно объединить людей в иных формах, например в политических партиях.

Л. Г. За годы господства тоталитарного режима у нас оказалось разрушенным большинство социальных связей — идейных, территориальных, соседских и т. п. Были утрачены традиционная культура, привычки, навыки самодеятельного взаимодействия, самоорганизации. Создание обычных, массовых общественно-политических организаций на территориально-идейной основе в таких условиях чрезвычайно трудно. Трудность эта отчасти преодолевается в узкой среде профессиональных политиков, в сильно политизированных верхах интеллигенции, работников средств массовой информации. Но в массе рядовых рабочих, инженеров, учителей, врачей она оказывается непреодолимой. Поэтому нормальные структуры политического действия и политической мобилизации — партии, общественно-политические объединения, клубы и т. п. — не получают в России массового развития. Сегодняшние российские партии — это штабы со множеством генералов, но без солдат. Их деятельность влияет на развитие идеологии, способствует формированию нетоталитарных политических традиций и культуры. Но непосредственным инструментом привлечения миллионов людей к политике они не являются и еще долгое время не смогут играть эту роль.

Одно из немногих исключений в «пустыне» социальных связей в современной России составляют предприятия и учреждения. Трудовые коллективы

действительно сохранились в качестве чуть ли не единственных живых социальных ячеек. Здесь возможно реальное вовлечение в политику широкого круга рядовых граждан на базе профсоюзов и других объединений трудовых коллективов. Им это сделать легче, чем кому бы то ни было еще. Правда, еще большие возможности имеются для естественного возникновения криминальных социальных связей, для складывания преступного социального сообщества. Но тут происходит развитие не политической культуры, а политической антикультуры, не гражданского, а антигражданского общества. Так что подлинную конкуренцию рабочему движению как средству социально-политической организации могут составить разве что организации национально-этнических меньшинств и объединения в сельской местности, где сохраняются культурно-общинные и территориально-соседские связи.

«ОНС» Активность националистических, а также казачьих организаций показывает, как на практике реализуются такие возможности.

Л. Г. Но также нельзя не видеть, что, во-первых, подобные движения охватывают лишь относительно небольшие народы и территории. А во-вторых, очень велика вероятность сползания их в сторону реакции. Вообще, не будем забывать, что Россия сегодня — это урбанизированная страна, большинство населения которой — наемные рабочие (о чем мы говорили вначале). Национальные и деревенско-общинные движения способны разрешить только некоторые проблемы меньшинств России. Большинство может пойти за ними, лишь в очередной раз обманувшись, поддавшись соблазну подменить тяжкие и долгие усилия по преодолению подлинных причин кризиса верой в националистические химеры, в иллюзию возможности мгновенного и простого выхода из бедствий нынешнего положения. Напротив, трудовые коллективы и концентрирующиеся в них противоречия отражают подлинные жизненные обстоятельства основной части россиян. Вырастающее из этих противоречий рабочее и профсоюзное движение может стать выразителем интересов большинства народа. Его возможности увеличиваются в связи с органической укорененностью в массовой народной среде. Ведь по своему социально-культурному облику, повседневной жизни, речи, психологии рабочие вожаки, выдвинувшиеся на предприятиях, стоят гораздо ближе к рядовым работникам, чем руководители политических партий или государственные деятели. В них видят «своих», близких, понятных. Впрочем, тут есть и обратная сторона — отсутствие дистанции иногда снижает авторитет. К тому же социальная близость ощущается как достоинство главным образом применительно к новым профсоюзам (старые профсоюзные лидеры — часто тоже «свои», но в глазах большинства не слишком заслуживающие уважения).

«ОНС» Вы хотите сказать, что в современной России профсоюзы и рабочее движение неизбежно будут вовлечены в общественно-политическую активность?

Л. Г. На определенный период их функцией окажется не только защита непосредственных экономических интересов своих членов, но и общественно-политическая организация народа (хотя бы они того или нет). В этом смысле рабочее движение включает в себе потенциал движения общенационального. Конечно, подобный потенциал профсоюзов выражен у нас не столь явно, как, например, в польской «Солидарности» 80-х годов, но то, что большинство российских профсоюзов отнюдь не чистые тредюнионы, что им присущи некоторые черты общественно-политических организаций, по-моему, не подлежит сомнению.

«ОНС» В таком случае в профсоюзах страны должны быть представлены все общественно-политические направления, существующие в обществе?

Л. Г. Разумеется. Среди них есть и демократические, ориентированные на

реформы, и реставраторские, стремящиеся к восстановлению государственного социализма, и националистические, фашистские, и оппортунистические, компромиссные. Конечно, из сказанного не следует, что в ближайшем будущем надо ожидать вовлечения подавляющего большинства трудящихся в профсоюзную или политическую деятельность. Десятилетия господства партии-государства и государственных профсоюзов породили у людей чрезвычайно мощное недоверие к любой коллективистской организации. У миллионов подавлено сознание и даже подсознательный инстинкт солидарности. Любая организация кажется им чуждой и фальшивой. Для очень многих людей путь от характерной для государственного социализма псевдосолидарности и принудительной общественной активности к свободной солидарности и сознательной, ответственной активности граждан проходит через промежуточную стадию отрицания всякой солидарности и всякой организации, через индивидуализм и стремление полагаться только на себя и на своих близких.

Думаю, эволюция массового сознания значительной части народа будет происходить не прямо от принудительной солидарности, характерной для прошлого, к солидарности свободной, но более сложным путем: от принудительной солидарности к свободному индивидуализму, отрицающему всякую солидарность, и лишь затем (если это произойдет) к настоящей свободной солидарности. Так что возможность политической мобилизации и активизации масс через профсоюзы и общественно-политические организации трудящихся вряд ли выльется в непосредственный охват подобными организациями большинства работников. Скорее всего, сознательная принадлежность к организации будет (как и теперь) характерна для меньшинства.

«ОНС» Однако и сейчас в профсоюзах формально состоит подавляющая часть работающего населения.

Л. Г. Но в действиях традиционных профсоюзов, к которым принадлежит большинство трудящихся, сознательно участвует лишь меньшинство их членов. В то же время почти все члены новых профсоюзов работают сознательно (иначе просто непонятно, зачем было бы вступать в такой союз). Но сами эти объединения охватывают меньшую часть трудовых коллективов. В целом же по самым оптимистическим прогнозам сознательным участием в профсоюзном и рабочем движении в ближайшее время может быть охвачено не более четверти или трети занятых (скорее всего, эта доля будет меньше). Но и четверть самодельного населения, будучи вовлеченной в общественную активность, представляет собой громадную силу, во много раз более мощную, чем любые из современных партий или внепроизводственных движений (кроме национально-общинных). К тому же чрезвычайно вероятно возникновение время от времени кризисных ситуаций, в которых политические страсти, энтузиазм или возмущение овладеют значительной частью тех, кто в обычной ситуации ориентируется на индивидуальную активность. В таких условиях организованное меньшинство способно увлечь за собой большинство народа, пробуждая и упрочивая чувство солидарности и коллективной ответственности. Оно в такие времена оказывается решающей силой. Общественно-политическая, мобилизационная функция профсоюзов приобретает тогда общественное значение. Я думаю, что во многом наша судьба зависит от того, сумеют ли профсоюзы возглавить народные выступления в кризисных условиях, равно как и от того, какие именно организации сделают это — демократические или реакционные. Подобно тому как экономически профсоюзы способны стать и фактором становления рыночной экономики, и тормозом ее развития, политически рабочее движение может явиться как мощным ускорителем демократизации, так и орудием подавления демократии.

В целом состояние и роль рабочего движения в нашем обществе связаны, во-первых, с тем, достигнет ли оно того размаха, чтобы влиять на ход событий, и, во-вторых, с тем, в какую сторону окажется направленным это влияние. Причем

в последнем случае надо различать направленность социально-экономическую, характеризующую отношения профсоюзов с предпринимателями и государством на рынке труда, и социально-политическую, в которой выражается их позиция касательно политического режима, общественного строя.

«ОНС» В связи с такой констатацией очень важно разобраться в направленности тех или иных профсоюзных объединений, классифицировать их. В 1992 году в начальный период преобразований вы выделяли новые профсоюзы как поддерживающие реформаторские устремления, а в старых, вышедших из недр ВЦСПС, профсоюзах различали как откровенно реставраторские организации, так и структуры, стремящиеся вписаться в новую реальность, превратиться из псевдопрофсоюзов в подлинные профсоюзные организации. Какие принципы разделения вы предложили бы сегодня?

Л. Г. Годы переходного кризиса, свойственные ему противоречия породили чрезвычайно сложные процессы внутри всех типов профсоюзных организаций — и новых, и старых. До недавнего времени (а во многом и теперь) основное различие между профсоюзами было связано с их происхождением. Отсюда вытекали разнообразные политические ориентации (поддержка компартии и советов или борьба с ними), организационное строение (допущение или недопущение в профсоюз представителей администрации) и т. п. Однако сегодня все большее значение приобретают различия общественно-исторической ориентации (реставрация государственного социализма или поддержка реформ; установка на национализм и авторитарность или на демократию). Причем самые разные социально-политические ориентации присутствуют (хотя и в разных пропорциях) как в старых, так и в новых профсоюзах.

И тут, и там имеются демократически ориентированные организации (Независимый профсоюз горняков, Соцпроф — среди новых, профсоюз горно-металлургических рабочих — среди старых); профсоюзы с преобладанием фундаменталистских коммунистических настроений (профсоюз «Защита» — среди новых, многие областные советы профсоюзов — среди старых); националистические и полуфашистские профсоюзы (Национальное объединение российских профсоюзов, бывшая Конфедерация свободных профсоюзов России — среди новых, профсоюзные деятели, входящие в Русский Собор, — среди старых); умеренно-консервативные и прагматически настроенные профсоюзы и профсоюзные деятели (многие небольшие профсоюзы — среди новых, едва ли не основная часть ФНПР — среди старых); левосоциалистические и левокоммунистические профсоюзы и профсоюзные деятели (некоторые социалистические профсоюзы — среди новых и активисты, группирующиеся вокруг газеты «Солидарность», — в старых).

«ОНС» Но нет ли и внутри отдельных профсоюзов расхождений по выделенным вами признакам?

Л. Г. Разумеется, в реальной жизни деление гораздо более сложное. Например, значительная часть членов Конфедерации свободных профсоюзов России (напомню, возникшей первоначально как демократическое объединение) не огласилась с позицией руководства, которое стало браться с баркашовцами и открыто доказывать достоинства итальянского фашизма, а в итоге сменило борьбу за свободу на борьбу с «врагами нации». В Независимом профсоюзе горняков России ситуация иная. Там руководство занимает последовательно демократическую позицию, хотя среди его членов можно увидеть сторонников если не Баркашова, то Жириновского. В целом же можно сказать, что в отечественном профсоюзном движении происходит перегруппировка, в результате которой различия по социально-политической ориентации, скорее всего, заменят деление на старые и новые профсоюзы.

«ОНС» Очевидно, для того чтобы не быть застигнутым врасплох, общество, и

прежде всего политическая элита, властные структуры, должны обладать достоверной информацией о тех процессах, которые идут сегодня в рабочем движении. Есть ли такая информация?

Л. Г. К сожалению, такого знания сегодня нет. Даже общая направленность тенденций, о которой я говорил, представляет собой, скорее, гипотезу, нуждающуюся в дополнительной проверке. Мы имеем основания думать о сокращении численности профсоюзов, о силе индивидуалистических и патерналистских установок в сфере труда, о наличии разных общественных ориентаций как среди старых, так и среди новых профсоюзов. Представления об общей направленности происходящих сдвигов дают нам и отдельные исследования, и многие обсуждения, в том числе с участием профсоюзных активистов. Однако у нас нет сколько-нибудь точных данных, чтобы судить о мере интенсивности подобных процессов. Полностью отсутствуют массовые количественные данные, характеризующие профсоюзное движение, и связанные с профсоюзами социально-психологические установки.

Думаю, целесообразно было бы проведение специального независимого социологического обследования. В его ходе можно было бы выявить такие аспекты, как: степень осознания различными категориями работников своих интересов, понимания необходимости отстаивать их на рынке труда; распространенность в рабочей среде различных подходов к защите своих интересов, в частности патерналистских ориентации; оценка рабочими роли профсоюзов в современной России и различных форм профсоюзной работы, их отношение к коллективным договорам, трехсторонним механизмам социального партнерства и т. п.; степень популярности и влиятельности различных профсоюзов в рабочей среде; оценка работниками наиболее острых проблем в сфере труда; общественно-политические ориентации работников, поддерживающих различные профсоюзы, их отношение к текущим социально-политическим проблемам, партиям, политическим деятелям; связь профессиональных, квалификационных, образовательных характеристик работников с их общественно-политическими ориентациями.

В целом же на основании известных нам тенденций можно сказать, что кончается период рабочего движения, для которого было характерно основное деление на старые и новые профсоюзы. Все большее значение приобретает деление на профсоюзы демократические, фашистские и коммунистические. Какое из указанных направлений сумеет раньше и прочнее консолидироваться, преодолеть прежнее деление на старые и новые профсоюзы, объединить свои усилия в зависимости от социально-политических ориентаций, целей, ценностей, от того, во что они верят? Ответ на этот вопрос во многом будет определяющим для судьбы страны, судьбы всего российского общества. Важно сейчас понять эту новую расстановку сил и действовать, исходя из нее.

Л. Гордон, Н. Плискевич, 1995